

Владимир Шапко

ГРАФОМАНИЯ КАК БОЛЕЗНЬ МОЕГО СЕРОГО ВЕЩЕСТВА

Повесть

16+

Владимир Шапко
Графомания как болезнь
моего серого вещества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57002870

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть о не совсем адекватном мужчине, который никак не может понять, что женщина, с которой он видится каждый день, давно его любит.

1

С начала сентября зарядили дожди, дорогу на Хлобыстино размыло, перестал ходить даже рейсовый, и Колпакову Фёдору Петровичу, директору заготконторы в райпотребсоюзе, пришлось отправить туда своего бухгалтера Недобегу Роберта Ивановича гужевым. Отправить с коновозчиком Аксёновым. С Михеичем. Для проверки тамошнего промышленного склада. Выехали спозаранку, думали развиднеет, но опять шёл дождь, и над головой двигалось чугунное небо.

По грейдеру самой станции «Таёжная» тарабанькались с ветерком, лошадёнка бежала споро. И по мостку через Калининку простучали бойко, оставив за собой чернильные пучки кленов по берегам её. Но за станцией почти сразу дорога стала расплюйной, с колеями от телег похожей на разодранный кабель. Телега с ездоками ахала в обширные лывы, и бедная лошадёнка начинала трепетать над грязью как пожар, как факел. Мотаясь на телеге позади Михеича, Роберт Иванович достал из-под плаща большой блокнот. На блокноте было написано – «Нужные Слова, а также Нужные Предложения». Несмотря на дождь, распустил блокнот, как гармонь. Написал: «Дорога. Грязь. Телега моя раскачивается как по штормовой палубе. Эх, Россия моя, Россия! Куда путь держишь? Куда скачешь? Знать, у лихого татарина...» Телега вдруг глубоко провалилась в яму. Лошадь еле вытя-

нула её на бугорок. Больше Роберт Иванович не писал. Прикрыв мокрый блокнот полой, только нахохливался под сеющим дождём. Однако подпрыгивая с горы к Хлобыстино, всё же исхитрился записать: «Ветер дул. Тополиные кусты в Хлобыстино митинговали». Какая точная картина получилась! Честное слово!

– Роберт Иванович, не трясёт? – пряча смех, оборачивался Михеич. – Может, придержать чуток? Эко она разошлась! – кивал на попёрдывающую лошадёнку.

– Ничего, Михеич, терпимо, – тряся с блокнотом в руках Роберт Иванович.

Михеич от смеха уже падал вперёд. Трещины на шее его меняли цвет. Как на высохшей луже становились белыми.

Бригадир заготовителей Кононов вёл приехавшего начальника к складу. Предупредительный, загнувшись струбциной, даже туловом своим как бы указывал ему сухой безопасный путь. Однако Роберт Иванович был в болотных сапогах, шагал смело. Заводя начальника на крыльцо, Кононов шугнул курицу. «Пожалуйста, Роберт Иванович». За раскрытой дверью в склад чёрно зияла пустота. Но и тут Роберт Иванович смело шагнул внутрь.

К вечеру, после ревизии и обеда в доме у Кононова, прощались возле телеги с лошадьёю и покачивающимся Михеичем. На Роберте Ивановиче висел длинный рюкзак, набитый кедровыми шишками, в руках он держал портфель и бере-

стяной туес с августовским мёдом.

– Может, останетесь, Роберт Иванович? – совсем загнулся над начальником Кононов. – Куда же на ночь-то вам?..

– Нет, товарищ Кононов, пора. Доедем.

– Ы-ыхх! – смахнул слезу бригадир Кононов.

За хлобыстинской горой, уже в лесу, лошадёнка еле тащилась. Пьяный Михеич что-то бубнил ей, вроде как понукал. Роберт Иванович лежал и мечтательно смотрел на плывущее тёмное небо с ёжиками звёзд. Описать бы сейчас эту картину ночи. Но жалко, что нельзя, в блокноте ничего не видно.

Въезжали на станцию уже в одиннадцатом. В Калинке журчала луна.

2

Роберт Иванович Недобега считал, что романы и повести нужно писать с утра только натошак. Поэтому к столу садился прямо в майке и трусах, предварительно быстренько сбежав на двор.

Прежде чем приступить подаренным Ниной Ивановной золотым пером, Роберт Иванович оглядывал свое хозяйство на столе: всё ли на месте? Писчая бумага стопкой справа, вчерашний черновик и ещё наброски – это слева. Перед ним, прямо в лоб – чистейший лист бумаги. Итак, приступим. Роберт Иванович начинал убористо, не торопясь, писать. Иногда прерывался. С любовью, как первоклаш, оглядывал работу. Снова приклонялся и старательно выводил – худые лопатки его, как у ангела. слегка двигались в великой майке. Коротко стриженная лысеющая голова как будто светилась. Так светится утренняя золотистая пашня.

Роберт Иванович писал: ««Фамилия?!» – «Мочилов». – «Ка-ак?!» – «Мочилов», – скромно потупился новобранец». Роберт Иванович отстранился от написанного: хорошо, ёмко, и даже несколько с юмором. Так и надо всегда изображать.

В обед, похлебав вчерашних щей, вымыл тарелку и вернулся в комнату. Стал прогуливаться по ней. Было воскресенье, на работу не надо. Не мешал думать тихо работающий

телевизор. Человек с Курильской грядой на лбу опять рулил за широким столом Съездом. Роберт Иванович остановился. Какое-то время смотрел. Бросился к столу, записал: «Мотивно говорит товарищ Горбачев! Хочется точно так же пропеть. Этак закуривать». Снова продолжил ходьбу.

Потом в телевизоре густой чередой бежали кем-то напуганные слоны. С развесистыми ушами напоминая быстро движущийся нескончаемый папоротник. Роберт Иванович опять остановился. Кинулся к столу: «Все слоны бежали. С яростными бивнями и хвостами!» Здорово! Отличная картинка Африки! В романе может пригодиться.

Закончил писать часов в девять вечера. Хватит, пожалуй, на сегодня. Широко зевнул, потянулся. Нужно беречь моё серое вещество. Да, беречь. Аккуратно прибрал всё для утра. Для завтрашней работы.

Спал очень тихо, на боку. Настенные часы спокойно вышагивали над диваном. Раза два только за ночь глохли и тряслись от пролетающих сумасшедших товарняков.

Летними тихими утрами солнечные большие пятна медленно переходили через широкую улицу Вокзальную от одного приземистого дома к другому. Свежие облака словно приплыли из Средней Азии – висели корзинами с хлопком-сырцом.

Из своей калитки появился Недобега Роберт Иванович в рыжих штанах, схваченных у щиколоток резинками. Заглянув в почтовый ящик, закладывал вертушок на калитке и, вихляя плоскостопными ногами, спешил в сторону Профсоюзной на работу.

С Робертом Ивановичем поздоровалась какая-то встречающая усталая женщина с двумя хозяйственными сумками. Недобега заспотыкался. Выхватил блокнот. И в единый дух написал: «Мимо меня прошла сейчас зрелая прекрасная девушка с двумя хорошими, надо сказать, дунями».

– Здравствуйте, Роберт Иванович! – На этот раз Влазнев. Из Сельхозтехники. Улыбается. Прямо напугал. – Что это вы такой красный?

– Да так. Солнце.

Сложил блокнот, завихлял ногами дальше.

Новый штaketник перед конторой Сельхозтехники красили Гуляшова и Кадкина. Увидели Недобегу. Не сговариваясь, сразу запели частушку, приплясывая:

*Все тетери улетели, уточки закричали,
Мы с милёнком расставались – только счёты брякали!*

Снова махали кистями. Смеялись.

Вот чертовки! Это потому, наверное, что я бухгалтер.

Показался барак. На фоне женских стонов и визгов со второго этажа – хахаль был молчалив. И, по-видимому, упорен.

Роберт Иванович опять остановился и записал: «И это –
среди бела дня! О-о-о-о!»

Наконец поднялся на крыльцо потребсоюза, где в двух комнатках находилась и заготконтора.

Когда входил в бухгалтерию Колпаков Фёдор Петрович, директор, вторая бухгалтерша заготконторы Золотова вылезла из-за стола поспешно и боком. Точно исполняла боковой танец слонихи в цирке. Имя носила соответствующее. Размером с усадьбу — Дарья. Однако, знакомясь, всегда называла себя Дашей. Я — Даша. Вроде как только печка из этой усадьбы.

– Здравствуйте, Дарья Сергеевна! – Роберт Иванович уже сел за свой стол.

Дарья пробурчала что-то.

Роберт Иванович улыбался. Недолюбливает. И всё из-за Нины Ивановны. Подруги своей. Да.

– Дарья Сергеевна, пожалуйста, квартальный отчёт по грибам и шишке.

Золотова сидела в бумагах своих точно по грудь в компосте, тем не менее мгновенно выхватила нужную папку и швырнула начальнику.

Недолюбливает, да, это точно – развязывал тесёмки Роберт Иванович. У него на столе, как и дома, полный порядок, только необходимое. Начал читать. Сыграл на калькуляторе. Снова углубился в отчёт.

Дальше в тесной комнатке только тихо возились, поскрипывали стульями мужчина и женщина.

Иногда Золотова вылезала из-за стола и печатала на машинке. За другим столом. У окна. Громоздкая электрическая «Оптима» начинала работать как американский громогласный машинган.

Роберт Иванович осуждающе смотрел. У него дома прекрасная «Эрика». Прекрасный механизм.

В обед Золотова шла через дорогу. В библиотеку. От долгого сидения на стуле открытые полные ноги её словно были поражены древоточцем.

В тесном помещении со стеллажами и без читателей сорокалетняя Золотова смотрела на свою сорокалетнюю подругу. Тяжело дышала. Рыжие цехины на её полуоткрытой груди были как *всё моё богатство*.

– Долго ты ещё будешь с ним валандаться? А? Ведь два года уже прошло?..

Нина Ивановна Переверзева быстро передвигалась вдоль библиотечной стойки, нервно перекидывала библиотечные карточки, на подругу старалась не смотреть.

Дарья усаживалась на стул и укоризненно качала крашенным петухом на голове:

– А ты ему ручку с золотым пером даришь. А? Видела бы, как он готовится ею, прежде чем писать. Кругами, кругами водит. И ещё говорит мне, главное, сейчас: «Передайте, пожалуйста, привет Нине Ивановне». А? Подлец...

– Замолчи! – не выдерживала Нина Ивановна. Венка на

её лобике разом наливалась кровью. – Замолчи сейчас же!

Дарья молча поднималась, шла, бабахала дверью. Нина Ивановна падала на стул. Белая квадратная оборка на её груди дрожала. Походила на изрубленную капусту.

– Как там Нина Ивановна? – интересовался Роберт Иванович у Дарьи Сергеевны, перестав писать золотым пером. – Здорова ли?

Золотова не находила слов, искала их на потолке. Как землетрясение, лезла за стол.

В прошлом году, тоже летом, Нина Ивановна подарила Роберту Ивановичу авторучку с золотым пером, купленную ею в Новосибирске, куда она ездила в отпуск к матери и отцу. Подарила на сорокалетие Роберта Ивановича, которое не без помпы отмечалось прямо на работе всем потребсоюзом. Профком дал денег, сам Роберт Иванович добавил, и стол женщины накрыли в коридоре на втором этаже.

Пригласили также некоторых товарищей из райкома и милиции. Всего шумело за столом человек двадцать пять. Попала на торжество и Нина Ивановна. Как образцовый на станции «Таёжной» библиотечный работник, ну и как (отмечающие юбилей перемигивались за столом) невеста (вроде бы) Роберта Ивановича.

Почти все вскакивали и славословили юбиляра. Говорили, какой он прекрасный работник. Как скромен он в быту. Колпаков, его непосредственный начальник, даже прослезился. Крепко обнял вскочившего невысокого юбиляра, оплеснув его вином. Его белую нейлоновую рубашку.

Почти все вскакивали с бокалами и славословили юбиляра. Говорили, какой он прекрасный работник. Как скромен он в быту. Колпаков, его непосредственный начальник, даже прослезился. Крепко обнял вскочившего невысокого юбиляра, оплеснув его вином. Его белую нейлоновую рубашку.

Когда пришла, чуть опоздав, Нина Ивановна – все встретили её животным каким-то рёвом. Однако Роберт Иванович не повернул даже голову, сидел мечтательный, задумчивый. И Нина Ивановна прошла в самый конец стола и там присела. Решительная Золотова начала было тащить её назад, чтобы втиснуть рядом с Недобегой, но Нина Ивановна сумела отбиться. Тоже сидела скромно потупившись, почти ничего не пила, не ела. Однако когда изредка поворачивались к ней всё те же разом веселеющие лица – краснела. И жилка на её лобике набухала.

Расходились уже в темноте. Запели инвалидными давящимися голосами:

Вот ктой-то с гоорычки-и спустилься-а...

Колпаков пел отдельно от всех. Ревуче. Соревновался с гудком на станции. Золотова как могла укрощала.

Нина Ивановна взяла, наконец, именинника под руку. Пошли мерно в ногу.

– Для писателя, Нина Ивановна, сорок лет – это самый плодотворный возраст. Ах, как много впереди работы! Как хочется жить!

– Конечно, Роберт Иванович. Конечно, вы будете много работать, – безотчетно говорила Переверзева, всё думая, как и где вручить подарок.

Наконец вышли к фонарю, на свет.

– Вот, Роберт Иванович, – это вам. От меня. Примите, пожалуйста.

Недобега быстро развернул обёртку, открыл футлярчик. Паркер! Настоящий! С золотым пером! Задохнулся даже на миг. Но опять как всегда высокопарно изрёк:

– Вот теперь у меня будет отличное орудие труда, Нина Ивановна! Отличное! Спасибо! Тронут!

Возле штакетника Нины Ивановны остановились.

– Может, зайдёте, Роберт Иванович? Я печенья напекла, чаю попьём?

– Нет, Нина Ивановна. В другой раз. У меня скопилось много впечатлений за сегодняшний вечер. Нужно срочно их перенести на бумагу. – Он вдруг засмеялся. Диковато. Как скалолаз: – Эх, и пойдёт у меня теперь работа новым пером, Нина Ивановна!

Попрощавшись, он пошёл. Плоскостопо. Повихливая ногами. Но быстро. И провалился в темноте.

Да-а. Права, наверное, Дарья. Просто больной. На душе у Нины Ивановны было нехорошо, горько. Открыла калитку, пошла к тёмному своему дому.

В детстве Роба Недобега чурался сверстников. В начальной школе села Предгорного у него был только один товарищ – Гена Селезнёв. На уроках родной речи Робу всегда поражало, как может один человек (Гена) так много выучить дома наизусть. Гена просто вставал из-за парты и вместо пересказа шпарил всё произведение, словно читая его. По учебнику «Родная речь». Клавдия Георгиевна хвалила Гену, ставила пятерку, но говорила, что столько учить дома наизусть не нужно, лучше суметь изложить всё своими словами. Но Гена продолжал учить всё наизусть. Зато когда наступал урок арифметики, а с четвёртого класса и алгебры – тут не было равных Робе Недобега. Любые примеры щёлкал он на доске как орехи.

На переменах, заложив руки за спину, маленькие друзья гуляли по коридору школы, получая от весёлых бегающих сверстников не совсем заслуженные щелобаны и тумачки. («Н-на, Ропка Еропкин!» «Н-на, Селезень!») Иногда оба оказывались зачаточным клубком большой кучи-малы. Но звенел звонок, начинался новый урок, и уж тут свои способности одноклассникам показывали они.

Они даже влюбились одновременно. Роба в Галю Поливанову, а Гена в Зину Зорькину. Но надменная Галя только фыркала, закидывая каждый раз косу за спину: «Этот Ероп-

кин!» А Зина смеялась над Геной и почему-то его всё время щипала. И на переменках, и на уроках. С соседней парты. Отвергнутые друзья нередко теперь шли к домику над рекой, где жили Недобеги, садились на пожухлую траву, грустили и смотрели на алтайские, долго стоящие в горах закаты. Выходила из домика мама Робы: «Гена, Роба, домой!» Ребята вставали и шли. В двух окнах домика тепло, вспыхивало солнце. Гена часто ночевал в этом рубленом невысоком домике. Дядя Ваня Недобега был зоотехником, образованным, а тётя Глаша работала простой дояркой.

После окончания предгорненской десятилетки дороги друзей разошлись: Гена поступил в Барнаульский пединститут, а у Робы Недобеги в это же самое время случилось большое несчастье – трагически погибли его родители... Перед отъездом сына на вступительные экзамены они решили купить ему настоящий мужской выходной костюм. Конечно, в городе. Все трое они стояли на остановке за деревней вместе с другими сельчанами, тоже собравшимися в город. Роберт зашёл в бетонную будку, чтобы завязать развязавшийся на ботинке шнурок. Успел увидеть только, как грузовик смёл всех с остановки... Он кричал и бежал к завалившемуся ревушуму пьяному самосвалу, к разбросанным по кювету тряпичным телам...

После похорон родная сестра погибшей Глаши Софья повезла племянника к себе в Красноярск. В автобусе Роберт трясся на последнем сидении и смотрел в окно на удаляю-

щуюся свою деревню. Окна маленького домика на горе были заколочены досками. Походили на ослепшие глаза в повязках...

В Красноярске Роберт Недобега год работал на заводе. То же как и Гена Селезнев поступал в пединститут. В местный. Провалился. Снова вернулся на завод. В армию не взяли – плоскостопие. С детства. Наконец по совету дяди Коли, мужа тётки Сони, записался на бухгалтерские курсы. Которые с успехом и закончил через шесть месяцев. Работал по сразу понравившейся специальности. И через три года, съездив пару раз *на повышение квалификации*, стал Робертом Ивановичем, главным бухгалтером Потребсоюза.

Карьеру поломала женщина по фамилии Солодовникова. На которой женился, а потом долго разводился. Уехал из Красноярска с ободранной душой. Ладно, хоть детей не было. Уехал в глушь, на станцию «Таёжная», где взяли на работу сразу.

Отдыхая, Роберт Иванович как всегда ходил по комнате. Мягко работающий телевизор думать не мешал. Теннисистка-негритянка била мячи очень сильно, с устрашающими криками. Казалось, мячи вылетали прямо из её паха, из её широко раскидываемых, мощных, с кривизной ног. Вылетали – как из загона... Роберт Иванович остановился, какое-то время смотрел. Бросился к столу. Нашёл тетрадь «Нужные слова и Нужные предложения». Быстро записал в ней: «Сокрушительные удары негритянки следовали с невероятной силой. Её противница уже изнемогала». Всё это пригодится. В дальнейшем. Телевизор – это отличная тренировка моего ума и сердца! Да. Продолжил планомерно побалтывать плоскостопными ногами.

Ночью приснился странный сон. В местном депо на митинге рабочие походили на немую голую поросль, ровно заточенную ураганом на одну сторону. А Роберт Иванович был живой, весёлый. Почему-то оказался впереди всех. Перед самой трибуной. С вытянуто увеличенным лицом он приседал и что-то толмачил трибуне руками. Пулял ими. Как пуляет руками певец на концерте в телевизионный экран... Потом с трибуны ему громко крикнули: «Уйди отсюда!» И он проснулся.

Утром Роберт Иванович не смог записать этот странный

сон: никак не находились слова для передачи его на бумагу. Хотя Роберт Иванович всегда писал легко. И слова сами прибегали к нему. А тут – никак.

На работе он спросил:

– Дарья Сергеевна, как вы будете голосовать на референдуме? О будущем Советского Союза?

– Это мое дело! – буркнула Золотова.

– Да, конечно...

Вошёл Колпаков. Ещё трезвый. Поспешно исполнила слонихин боковой танец Золотова. Роберт Иванович тоже встал с протянутой рукой.

Колпаков пожал руку.

– Вы определились с референдумом, товарищи?

Сотрудники молчали и словно бы чесали в затылках.

Тогда Колпаков вышел. Реденькие усы его пошевеливались. Напоминали заводные усы мыша. Идя к себе, он точно принюхивался к чему-то. Нехорошему, вонючему.

За столом косился на бутылку. Решительно задвинул её в тумбочку. Постучав в стену, крикнул:

– Дарья Сергеевна, зайдите с отчётом!

Дарья забежала, напевая. Домашние тапочки на её ногах походили на бисквиты. Повернула в двери ключ.

Колпаков встал, сразу охватил округлость Дарьи. Всю. Голая округлость была как пиво в целлофане.

Роберт Иванович достал блокнот. Послушал ритмичный приглушённый стук, идущий от стенки. Быстро написал:

«Какая могучая пара! Всё-таки любовь творит чудеса!»

Заиграл на калькуляторе.

Дома вечером он много, плодотворно писал. Потом перед сном отдыхал, откинувшись на спинку дивана. В телевизоре чукча дёргал железку во рту. Вроде как непроходящую зубную свою боль. Не удержавшись, Роберт Иванович дернулся к столу: «Гениальная музыка чукчи! Наше Северное сияние!»

Потом там же жирафы куда-то медленно шли. Как движущееся письмо каракулями. Эти Роберта Ивановича не заинтересовали. Никак не изобразил. Не пригодятся в романе. Да. Устал я что-то сегодня. Пора, наверное, дать отдых моему серому веществу. Да.

И всё же снял трубку, набрал номер Нины Ивановны и ещё долго рассказывал ей о новой главе, которую он сегодня записал. У его светящейся возле торшера золотой головы, в трубке бились восторженные слова женщины. Роберт Иванович улыбался.

8

Утром он как всегда торопился на Профсоюзную в заготовконтору. Уже хорошо поработавший за столом, радостный, оставив дома ещё одну главу. Ножки Недобеги работали, как бойкие костылики.

Две пожилые сёстры Ерошины уже сидели на лавочке.

– Вон, смотри – палкает. Нинкин писатель, – говорила Парасковья, старшая.

– Да зачем он ей такой кутельпятецкий? – возражала Катерина, младшая. – Да и не выйдет она никогда за такого! Ровно не посуху идёт, а по грязи ножками-то чапает.

– Не скажи, сестра, – смотрела вслед Роберту Ивановичу Парасковья, – не побренгует. Хреновенький плетешок, да за ним затишок...

Сёстры возвращали руки на животы. Величественные, зобастые, как бомбы.

Но пробежали мимо Гуляшова и Кадкина из Сельхозтехники.

– Чего сидите-то, тетери? В «Промтоваре» на площади порошок дают!

И пожилые Ерошины сразу сдёрнулись. И заторопились. И в широких коротких платьях полные ноги их спешили как какой-то панический опорос.

Нина Ивановна тоже торопилась. Но не за порошком, а собираясь на работу. Торопиться, собственно, не нужно было, но Роберт Иванович всегда появлялся у потребсоюза без пяти девять, и можно было поздороваться с ним с крыльца библиотеки. Вроде как тоже только что придя и открывая ключом дверь. А может, и поговорить немного.

Соседи Колупаевы возились в огороде. Сгребали граблями ботву, выдёргивали помидорные палки. Нина Ивановна хотела прошмыгнуть к калитке, но Колупаева закричала: «Нинка, когда жениха заставишь в своем огороде работать? Вон у меня, вечером клавиши давит, а днем со мной работает. Как миленький!»

Муж-Колупаев с некоторых пор опять был изгнан из мужской школы. «Давил» теперь клавиши в кафе у вокзала. Зло выдёргивал сейчас палки. На жену не смотрел. Телогрейка на нём была как на зэке. «Эко – обиделся», – уже удивлялась жена, забыв про Нинку.

Нина Ивановна с облегчением заторопилась по Лесной. В плащике, перетянутая, как перевёрнутая рюмка.

Однако навстречу уже шли Кадкина и Гуляшова. Главные поселковые сплетницы. С порошками под мышками. И Нина Ивановна, шмыгнув в боковую улочку, побежала в обход. Почему-то в библиотеке все сразу забывают об её отношениях с Робертом Ивановичем. Никто никогда даже не заикнётся об этом. С книгами приходят всегда деликатные и даже слегка испуганные. Но стоит только выйти на улицу... Впро-

чем, от Дарьи не закроешься и библиотекой.

Конечно, Нина Ивановна опоздала. Роберта Ивановича уже не было возле потребсоюза, скрылся в своей бухгалтерии.

Приезжавшая летом мать говорила дочери: «Нина, ну за чем он тебе? Ведь глуп как тетерев! А? Где глаза-то твои?!» Дочь сразу нервно отвечала, что Роберт Иванович умный. Да, умный. Он просто ранимый, мама. Ему столько пришлось в жизни пережить. Если б ты знала!

Пенсионерка, бывшая преподавательница английского языка в мединституте не находила слов. В глазах её словно начинал мелькать ломкий хаос. Дочь быстро наворачивала ей манжетку. Капала в стакан лекарство. Носик её при этом пошевеливался. Походил на живую пуговицу. Был такой же, как у матери.

На рыбалке Роберт Иванович стоял у озера с длинным удилищем, как аист. Совершенно недвижно. Блаженно говорил маме Нины Ивановны: «Какая чудная картина природы перед нами развернулась, Зоя Николаевна! Прямо хочется жить и плакать!»

Пенсионерка посмотрела на него, но ничего не сказала. Довольно ловко подсекла своей удочкой ершишку.

А Роберт Иванович так и продолжал стоять аистом, казалось, ни разу даже не вытянув из воды лесу.

У костра, подавая в чашке почищенную рыбу, мать шепнула дочери: «А ведь этот человек вырос в деревне!..»

– Широка-а страна моя родна-я-а, – вдруг запел Роберт Иванович.

Мать и дочь выронили чашку...

Но потом были высокая, остановившаяся в озере лунная ночь, женщины и мужчина у пегих углей костра, две горбатые палатки, поставленные рядом...

Роберт Иванович спал очень тихо, за всю ночь не всхрапнул ни разу, и это почему-то несказанно удивило Зою Николаевну, так и не уснувшую рядом с посапывающей дочерью, беззащитно уткнувшейся ей под мышку.

На прощальном обеде она спросила у него, накладывая себе салат оливье:

– Почему вы пишете, Роберт Иванович?

Роберт Иванович перестал пилить мясо, ответил почти сразу:

– По непоборимой потребности моей души, Зоя Николаевна.

– Как это?

– Мне необходимо отобразить всю нашу роковую жизнь, окружившую в данный момент нас!

Зоя Николаевна посмотрела на дочь. Та сидела рядом с писателем. В белых шифоновых хризантемках на груди как какой-то подарок ему, как награда. Однако была краснень-

кой, всё время вытирала с лобика платочком пот.

Роберт Иванович спокойно отпиливал ножом кусочек мяса, потом тщательно пережевывал его. Уши его при этом двигались продольно. Как сёдла.

Мать снова переводила взгляд на дочь. А? Нина? Дочь опускала глаза.

Поздно вечером, когда прощались возле вагона, Роберт Иванович сказал:

– Я полюбил Вас всей душой, дорогая Зоя Николаевна! Какой хороший вы человек! И это всего за четыре дня!

Он чуть не заплакал, но разом закаменел.

Пенсионерка обняла, похлопала его по спине. Держись, парень, борись и дальше! Поцеловала дочь. Полезла в вагон. Проводница, лязгнув плитой, закрыла дверь.

Зоя Николаевна продвигалась по вагону. Бросила сумку в пустое купе. Встала у открытого окна. Дочь и «жених» стояли под окном, смотрели на неё. Поезд почему-то не трогался, медлил. Остановились закурить два железнодорожника. Один сделал другому из ладоней теплушку. Потом сам прикурил. Пошли дальше.

– В августе приезжай. Ждём с отцом, – сказала мать дочери, «жениха» даже не пригласив.

В свою очередь, дочь говорила, чтобы отец тоже приезжал в «Таёжную» этим летом. Отдохнул бы как следует. Походили бы за ягодами, на рыбалку. Верно ведь, Роберт Иванович?

Роберт Иванович нейтрально, но солидно подтвердил:

– Природа станции «Таёжная» благоприятно действует на организм пожилого человека.

Вагон, наконец, дёрнулся, поехал. Они сразу пошли за вагоном. Прощально махали. Убыстряли и убыстряли шаги. Ноги их словно уменьшались в длине, отставали от вагона. А туловища, наоборот, увеличивались, догоняли, были рядом, под окном. Зоя Николаевна, борясь с собой, плакала, махала платочком.

Поезд набирал и набирал ход. И уже спотыкалась за ним в редком лесу только что проснувшаяся помятая луна.

Из-за хлобыстинского леса солнце по утрам лавой падало на поле перед станцией. Будылья кукурузы восставали с земли разом. Как русское войско. Ручей ползал лазутчиком, вспыхивал, обнаруживал себя. Покатилась таратайка с лошадёнкой на Хлобыстино. На таратайке – бригадир Кононов. Колотился прямо в солнце. Вспыхивал, обугливался как гвоздь с уже готовой шляпкой.

Сама станция словно пошевеливалась и потягивалась. Парила, отогревалась на солнце. Покрикивали проспавшие петухи. Из дворов выходили коровы. За пастухом шли сами. Как за сельским мессией. Плащ на пастухе выгорел добела, полы болтались тряпками. Ненужный бич за спиной вёзся по земле.

Потом похмельно засипел гудок на станции. Пойманной птицей захлопался было селектор, но сразу умолк. К восьми потянулись рабочие в депо, к девяти служащие в деревянный вокзал. В нескольких учреждениях самого поселка открывались форточки, там начальники садились за столы.

Самохин, редактор местной газеты «Таёжные гудки», с утра уже посасывал таблетку. Он был пожизненный гипертоник. Он был как персик с грустными глазами. Он говорил напряжённо сидящему Роберту Ивановичу, что так, как пишет тот, писать нельзя, преступно. Прочитав какое-нибудь

предложение из рукописи, он начинал горько смеяться. Махался рукой. Казалось, с ним тряслось, смеялось всё. Стакан рядом с графином, сам графин, товарищ Горбачев в раме на стене.

Из кабинета Роберт Иванович вышел с провалившейся душой. Вытирался платком. Но по коридору пошёл быстро, держа портфельчик на отлете, как беду.

В библиотеке Нина Ивановна отпаивала его чаем, а он сидел и никак не мог понять – что смешного в предложении «Когда мороз ударил по посёлку, дома огрызнулись куржаком». Что, Нина Ивановна?!

– Не ходите больше к нему, не ходите, Роберт Иванович! Он ничего не понимает! – почему-то вместе с Недобегой разом дурела и Нина Ивановна.

Отойдя немного душой, Роберт Иванович начинал ходить по тесной библиотеке и читать с листов в его руке наиболее удачные, как он считал, места.

– Ведь правда, Нина Ивановна, неплохо? Как вы считаете?

Нина Ивановна тут же соглашалась, но предлагала немножко подправить. Например, в предложении «Иван побежал к реке, подъегоривая себе», лучше бы, наверное, написать «Иван побежал к реке, подпрыгивая».

Роберт Иванович останавливался, думал.

– Суховато. Но пожалуй...

Пошлёпывал ножками через дорогу, в свою бухгалтерию, оставив листы Нине Ивановне. Чтобы она прошла по ним

зорким глазом. И Нина Ивановна сразу же приступала к работе. Сначала робко, а потом всё смелее и смелее вычеркивала, дописывала, правила. Благо, читателей в этот утренний час в библиотеке почти не бывало. Так, прогуливающий школьник какой-нибудь забежит, чтобы быстро пролистать журнал и исчезнуть.

В час дня, увидев, что Дарья пошла на обед, Нина Ивановна перебежала дорогу, отдала портфельчик с рукописью Роберту Ивановичу и так же шустренько прибежала обратно в библиотеку. И никто её не увидел.

Однако уже через десять минут Роберт Иванович пришёл возмущенный:

– Что вы сделали с моим произведением, Нина Ивановна?! Я доверил вам свой труд, а вы!..

Он даже ударил дверь, уходя.

Когда Золотова зашла после обеда в библиотеку, Нина Ивановна горько плакала.

– Я, я, Даша, ему, рукопись, а он, он мне, Даша!.. – икала Нина Ивановна.

Дарья в сердцах воскликнула:

– Да что за полудурок такой! Ни в п. . . , ни в Красную Армию!

Нина Ивановна вздрогнула от ругательства, ещё горше заплакала.

Большая Дарья гладила на своей груди горячую, как кипяток, головку.

А Роберт Иванович тем временем по-прежнему ничего не мог понять в рукописи своей. Словно в исчёрканном бурьяне!..

В детстве Нина Переверзева приезжала с родителями к бабушке в «Таёжную» каждое лето.

Когда десятилетняя Дашка Золотова в первый раз увидела городскую Нинку в посёлке – встала как вкопанная: девочка не шла, а танцевала. В коротком платьишке, как трюфель-фантик, тонконогая, как паучок. Так и прошла мимо разинувшей рот толстухи – беспечно поддавая ножками.

Рослая Дашка закрыла рот и тут же одёрнула деревенское рослое платье ниже колен. Платье из байки.

На другой день она стояла перед раскрытым двором Переверзевых и, ухватив в кулак острую штакетину, сердито покачивала весь штакетник.

Баба Катя Переверзева, таская на стол, посмеивалась:

– Нинка, никак к тебе гости пришли!

Отец и мать тоже повернулись к окну.

Нинка вышла к штакетнику:

– Чего тебе, девочка?

– Да ничего! – буркнула и ломанулась от неё Дашка. Да ещё побежала, оглядываясь.

На сеансе в кино «Железнодорожник» она умудрилась оказаться прямо за Нинкой и её родителями.

– Ха-ха-ха! – громко смеялась в темноте Дашка над головами всех троих. Её чуть не вывели.

После фильма она была ботинком угол киоска, где давно ничего не продавали.

Зоя Николаевна взяла её за руку и подвела к дочери. Дашка обиженно пошмыгала носом, но маленькую ручку Нинки пожалала. И даже хмуро назвала себя: «Я Дашка».

Теперь она ни на шаг не отставала от маленькой Нинки. По утрам городские всегда спали до девяти в доме у бабы Кати, но Дашка уже часов с семи покрикивала: «Нин-ка-а! Выходи-и!» Покачивала штaketник. «Нинка-а!»

Нинка появлялась на крыльце. Жмурилась на солнце, потягивалась. Сонная утренняя головёнка её походила на разбитое пичужкино гнездо. Трусишки были как на куклёнке.

– Ну, чего тебе?

– Айда на озеро. Договаривались же. Час уже ору, – радостно качала штaketник Дашка.

– Сейчас. – Нинка уходила завтракать. Звали всегда и Дашку, но та отказывалась.

На озере девчонки раздевались и какое-то время оглядывали весь поднебесный мир вокруг. Нинка была в ладном купальнике с цветочками, а Дашка в бабьих трусах в колено. Она всегда первая разбежалась и, как бомба размахивающая руками и ногами, летела в воду. Нинка гальяном булькала следом. Девчонки кричали, хлопали по воде, пуляли друг в дружку водой. Орала на весь мир. Потом плыли к противоположному берегу, чтобы полежать там на песке. Девчонки обе плавали хорошо.

На песке лежали, опершись на локти, загорали. Песок сыпался из кулачков как из песочных часов. Потом переворачивались на спину. Прикрывшись рукой, смотрели в небо. Высокое небо было всегда как океан...

Дома наблюдали, как баба Катя сливает воду из ведра в лейку – как будто плавное блестящее стекло. А потом хрусталем, хрусталем рассыпает по грядкам!

– Чего уставились? А ну-ка за работу! Вона сколько поливать!

Девчонки бежали в сарай за лейками и тоже поливали. Худенькая Нинка тащила полную лейку к грядкам, вся изгибаясь. Толстая Дашка с лейкой обращалась запросто. Поливая, перекидывала только с руки на руку.

На другой день с отцом и матерью Нинки пошли в Егорьев овраг по малину. Лазили в глубоком тенистом логоу, все улепленные паутинами, обирали с кустов спелую осыпающуюся ягоду. На Нинке был спортивный толстый костюм с полосками, на Дашке – старшего брата комбинезон и кирзовые сапоги. Корзинки и туеса вчетвером заполнили быстро. Поели и попили возле холодной корневой бороды кедра, выстрелившего хвоей в небо. Только начали выбираться наверх, как дядя Ваня вдруг крикнул:

– Дашка, Нинка – смотрите!

Метрах в пятидесяти по отвалу оврага быстро карабкались медведица и три её медвежонка. От мощных лап медве-

дицы отлетали назад комья земли, и один отставший медвежонок совсем как человек брезгливо отворачивался от них. Однако тоже торопился, лез: куда ж тут денешься?

Семейство пропало наверху в кустах.

Дядя Ваня, отец Нинки, смеялся, а тётя Зоя, наоборот, стала бледной и торопила всех поскорей выбраться из опасного места.

Больше в Егорьев овраг не ходили. Но зато отправились вскоре в хлобыстинский лес по грибы. А там не опасно – дорога рядом, тарахтят всё время грузовики. Почему-то Нинка всегда набирала больше всех. Маленькая, шустрая, она бегала меж утренних, дымящихся под солнцем сосен, чертила треугольнички, квадратики, как какой глазастый живой кунчонок с палочкой в зубах. И маслята сами выбегали к ней, к её ловкому ножичку.

Потом тётя Зоя кричала:

– Нина, Даша, Иван! – домо-ой!..

И так бывало каждое лето с приходом Переверзевых в «Таёжную».

Лет с шестнадцати девчонки стали ходить на танцы. У них уже были кавалеры.

Танцы начинались часов с восьми в парке «Железнодорожник».

На эстраде работали три музыканта. Герка Колупаев (совсем пацан ещё тогда) давил клавиши. Электрогитара Гин-

збурга скакала и визжала, будто чёрт с хвостом. Валера Гушин ворожил на барабане щётками.

В твисте Нинка дёргала к себе ножку, будто нитку с челноком. Дашка откидывала мощную свою ногу далеко, лягась ею как конь-тяжеловоз. Стелющийся во все стороны таец-твист напоминал тренировочный рукопашный бой.

Потом за эстрадой, на свету луны, Валера Гушин нежно целовал Нинкино лицо. Дашка с Гинсбургом лезла в кусты. Долго трещала там, словно никак не могла найти места. Гинзбург пугался, дёргался обратно, на свет.

После проводов и прощаний с парнями девчонки лезли на стайку Переверзевых, ложились там на приготовленные постели. Закинув руки за голову, долго смотрели на небесные звёздные города, на Млечный путь с его богатым песцовым хвостом.

Потом засыпали.

После десятого класса Нина Переверзева поступила в Библиотечный институт. Благополучно его закончила, стала работать в новосибирском библиотечном коллекторе. И проработала там больше десяти лет.

Был даже жених одно время. Но в 82-ом тяжело заболела, и жених растаял.

Сначала попала в больницу с воспалением лёгких. Но воспаление быстро опустилось ниже, и образовался гнойный плеврит.

Болела долго, тяжело. С высокой, неспадающей температурой, с рвущим лёгкие кашлем по ночам. За четыре месяца больницы были и нескончаемые уколы, и капельницы, и таблетки. Жесточайшие пункции в плевру, когда откачивали экссудат.

Недалёкий врач Колесов постоянно приводил в палату белые консилиумы. И врачи стояли над раздетой по пояс, поникшей Ниной Ивановной, важно погрузив руки в карманы халатов.

Были и другие равнодушные и участливые врачи и грубые и мягкие медсёстры. Была постоянная вонь боящейся сквозняков палаты. Властная старуха в ней, которая упала однажды прямо на пол и умерла. Была её дочь в коридоре на стуле, льющаяся как ручей...

Только летом температура стала бродить около 37-и, и Нину Ивановну выписали домой. Родители, даже не спрашивая, сразу повезли её в «Таёжную». На чистый воздух, к барсучьему салу, к прополису, пыльце, меду.

И Нина Ивановна ожила. «Одыбалась», как сказала бы покойная баба Катя. Пропала одышка, появился на щеках румянец, Нина Ивановна прибавила в весе.

С осени начала работать в школе, но уехала библиотекарь, и Нина Ивановна сразу перешла на её место, к своему привычному делу. Жила всё в том же бабушкином доме. Родители думали, что год-другой поживёт и вернётся, но дочь в Новосибирск не торопилась, приезжала к отцу и матери только в отпуск.

Дарья Золотова после десятилетки никуда не поступала. Хотя окончила её без троек. На выпускном сильно ударила Колупаева Герку, который её «соблазнил». Колупаев упал, серьёзно ударился головой. В милиции дело еле замяли. Помог участковый Гальянов, родственник Золотовых. Аттестат Дарье вручали хмуро, приватно, в учительской. Уходя, Дарья шарахнула дверью.

Со слезами мать устроила её в потребсоюз. Где Дарья была сначала счетоводом, а потом, как и Недобега в свое время, окончила курсы, стала бухгалтером. Работа не нравилась. Сотрудники казались Дарье мышами, от голода грызущими бумагу.

Пьяный Герка Колупаев с городским дружкой пришёл однажды свататься. Он уже окончил музыкальное училище, и у него был диплом. Он размахивал синей книжицей перед носом Дарьи и звал «в даль светлую». Пьяный дружок в каком-то помещицьем высоком картузе походил на насекомое, важнодвигающее на месте лапками... Дарья просто закрыла перед ними калитку.

В 80-ом двоюродная сестра сманила на Север. В посёлке Уренгой Дарья стала работать в небольшой гостиничке для нефтяников-вахтовиков. Горничной. В короткой юбке и кокетливом фартучке заправляла кровати. Широкою сдобною Дарью голодные нефтяники всегда встречали как торт – восторженным рёвом. Дарья не зло била по весёлым рукам, никого всерьёз не калеча.

Неожиданно для себя вышла замуж. За инженера Генкина. По вечерам часами смотрела, как Генкин с серьёзным лицом каплуна сидел над диаграммами, схемами, чертежами... Через месяц ушла. Генкин не возражал.

После Генкина были в эти годы у Дарьи и ещё два-три хахалька. Нефтяники с весёлыми руками. Но все они задерживались ненадолго. Уплывали как поезда со станции, быстро набирая ход.

Дольше других задержался очень злой на любовь ненец Коля. Местный. Из тундры. При нём Дарья даже научилась гонять на оленях, покрикивая по-ненецки и ловко орудуя

палкой длиною с версту. Но тоже: узнав про связь Коли с *толстухой Дарьей*, примчалась на оленях его жена в шкурах. Кружа вокруг гостинички, выкрикивала угрозы, грозила палкой. Однако когда Дарья вышла к ней, подбежала и разом заплакала – молодая, некрасивая, вогнутолицая, как миска – просила Дарью пожалеть детей. А их у любвеобильного Коли оказалось четверо... Дарья сама отшила ненца. Вскоре переехала в Новый Уренгой. Где работала ещё с год в речном порту на разных неквалифицированных работах.

В 85-ом приехала в «Таёжную» к умирающей матери. Которую вскоре и похоронила. На Север больше не вернулась. Родной брат с семьёй перебрался жить в Красноярск. Дом переписал на неё. Генкин в паспорте остался, и стала Дарья жить в доме том соломенной вдовой.

А потом приехал в «Таёжную» Роберт Иванович Недобега...

Когда он в первый раз вошёл в бухгалтерию вместе с Колпаковым, Золотова поспешно станцевала слонику вбок и радостно затрясла ему руку: «Золотова, Дарья Сергеевна, можно – Даша! Добро пожаловать, Роберт Иванович!» С восторгом смотрела на *молодого человека*.

Новый сотрудник почему-то сразу начал как-то горько смеяться. Как будто был больной. Как будто весь был больной внутри.

Дарья посмотрела на Колпакова: что это с ним, Федя?

Однако Федя молчал и только слегка покачивался. С пьяным носом, как с куском пемзы.

Приобняв, увёл работника к себе.

В обед Дарья побежала через дорогу. «Слушай. Нинка, – приехал! Шикарный мужик! Не пьёт, не курит! У Колпака не выпил ни рюмки!»

Упала на стул, затрясла на груди платье. Глаза её не вмещали события.

Нина Ивановна спокойно писала за стойкой. Маленькая и далекая, как капитан.

– А мне это зачем?

Карандашик ловко бросила в пластмассовый стаканчик.

Через неделю она сама восторженно рассказывала подружке, какой хороший Роберт Иванович читатель. Не мусликает

пальцев, не хлыстает ими по листьям. Представляешь! Сидел у меня за столом, вдумчиво читал весь вечер. Правда, почему-то только «Охотничье хозяйство». Четыре журнала прочитал. Узнай у него: не охотник ли он?

– Сама узнавай! – непонятно отчего рассердилась Дарья.

Ещё через несколько посещений бухгалтером библиотеки Нина Ивановна уже поведала подруге, что, оказывается, Роберт Иванович пишет. Писатель. Представляешь?

Дарья сразу разгадала загадку:

– Ах, вон оно что! Знаешь, о чём он спросил у меня вчера? – Помедлила: рассказывать или нет?

– Ну, ну!

– «Дарья Сергеевна, что чувствует полная женщина, такая как вы, когда кушает?» Ну, не козёл ли, а?

– Вот, вот, это нужно ему, наверное, для романа!..

Роберт Иванович стал приходить в библиотеку, но не часто. И читал теперь почему-то только журнал «Советский воин». Нина Ивановна предлагала ему новинки. Из «Нового мира», из «Знамени», из других московских журналов. Раскрывала страницы, показывала, называла авторов.

– Ерунда! Все подкуплены. – коротко сказал Роберт Иванович.

Странно. «Все подкуплены...»

– Но как? Каким образом? Зачем?!

Роберт Иванович только хмыкнул. Продолжил читать

«Советский воин».

Поджидая его теперь вечерами, Нина Ивановна сидела за стойкой допоздна. Однако говорила себе, что просто работает. Вот же: пересматривает каталожные карточки. Дописывает сам каталог. Подклеивает к новым книгам кармашки. Вкладывает в них книжные карточки.

При шагах на крыльце – вздрагивала. Но почти всегда входил пенсионер Предыбайлов и требовал *про шпионов*.

В десятом часу, топчась на крыльце, закрывала библиотеку. Посматривала вверх. Луны не было. В небе как будто висело седое дерево.

Переверзева, торопясь домой, оступалась в темноте.

В Новый год тюльпаны люстры в доме Нины Ивановны матово светились.

– С наступающим Новым годом, дорогие наши женщины! – сказал Роберт Иванович Нине Ивановне и Дарье Сергеевне.

Он стоял у стола и улыбался. Шампанское удерживал у бедра.

Пимокат Зуев скатал ему валенки в пах, и теперь Роберту Ивановичу никакой мороз не страшен. Сейчас он был в выходном костюме, заправленном в эти валенки.

– Извините!

Он кинулся в прихожую и стащил валенки. Быстро надел лакированные штиблетки тридцать шестого размера и вернулся в комнату. Шампанское поставил на белую скатерть. Как взнос. Только после этого дал усадить себя за стол. Ко всему его великолепию.

Приближалась полночь. Когда заговорил человек с уверенно-глупыми глазами проповедника – Роберт Иванович встал. Прослушал человека стоя. Болтнувшись, сразу заиграла Спасская башня. Ему сунули бокал. Пошли мерные чугунные удары. Женщины вскочили, начали пить. Роберт Иванович стоял. Вдруг запел: «Со-юз нер-руши-мый республик свобо-дных!» «Рано, рано ещё! Роберт Иванович!

С Новым годом!!» А он всё пел. Его посадил на место только первый, оглушительно-протяжённый аккорд настоящего гимна. словно разом порушивший весь Новый год в комнате.

Женщины поздравляли его, лезли с бокалами. Он удерживал свой бокал у груди, словно удивляясь звону его. Дёрнул всё же шипучки. И задохнулся. «Бьёт однако!» Женщины смеялись, как бы говорили: привыкнешь!

Дарья всё время пыталась плеснуть ему в пустую рюмку водки – он всякий раз успевал прикрыть рюмку рукой. «Благодарю. Мне достаточно». Иногда только чуть-чуть отпивал шампанского. Хорошо, вдумчиво ел. Вроде как один за столом. Всего было много.

Говорил мало. Жевал. И прямо-таки наглядно думал. Двигались уши и вертикальные мускулы по краям лба. Большой ложкой Дарья черпанула и скинула ему на пельмени *кобру*. Жгучий соус. Чтобы вывести его как-то из ступора. Нормальные люди после Дарьиной кобры с минуту махали бы у рта рукой. Под хохот за столом. Этот – нет. Этот только кивнул. И стал спокойно есть пельмени, предварительно вымазав их Дарьиной коброй. И опять думать. С пошевеливанием ушей.

Вдруг заоглядывался, оценивая комнату: «Хорошо у вас тут, девушки. Чисто». И снова вернулся к еде и своим думам.

Внутренний истеричный смех уже душил Дарью, она еле удерживала его, но Нина Ивановна словно не обратила вни-

мания на последние слова Роберта Ивановича о комнате – всё подкладывала ему на тарелку и пыталась разговорить.

Потом от скуки женщины сдвинули стол и открыли танцы под проигрыватель. На удивление, Роберт Иванович тоже танцевал. Но странно. В аргентинском ядовитом танго он просто ходил и углублённо шмякал ножками пол. Один. Словно убивал тараканов. Потом скромно сидел в углу возле ёлки. Вроде зайки серенького. Который под ёлочкой недавно не очень удачно скакал.

Зато девушки в танго ходили классически. На манер паровозных тяг. Иногда Дарья откидывала Нину от себя на вытянутую руку, как марионетку, вновь припечатывала к себе, и девушки опять ходили, слаженно двигая руками и ногами. Кивнув на сидящего танцора, Дарья шепнула подруге: «Он глупый. А глупые все добрые». Принялась хохотать. Уже откровенно. Чуть не уронив подругу на пол.

В час ночи он вдруг засобирился домой. Женщины не поверили: как?! Роберт Иванович! Ведь новогодняя ночь! Бывает раз в году! Голубой огонёк идёт! завтра выходной! Оставайтесь!

Но через минуту он уже стоял перед женщинами опять в валенках в пах. Счастливый, как Дуня в поддутых штанишках.

– Ах, какой я чувствую прилив моих творческих сил! Ни-на Ивановна! Дарья Сергеевна! Я горы теперь сворочу! Не

иначе!

Он смеялся, когда шёл в прихожую одеваться. Как всегда диковато. Как всё тот же скалолаз, сорвавшийся и болтающийся над пропастью. Уже одетым в полушубок и шапку он так же замороженно смеялся во дворе. И на улице, идя вдоль штакетника. Он смеялся, проходя под высокими, густо обелёнными морозом деревьями. Как напуганный пожарный колокольчик, он смеялся и оглядывался под ошарашенной лунной!..

– Да он же ненормальный! Нина! – не чувствовала даже холода на крыльце раздетая Дарья (Нина запахивалась в шубейку.) – Он же выпил только полбокала шампанского!..

Женщины вернулись в дом. Женщины остались одни. Тягуче пели за столом. Потом грустили, подпершись руками. Дарья предложила позвать Колпака. Он опять сейчас без жены. Прижмёт что надо! Набрала номер. «Федя, ты?» Трубка яростно забурлила, забормотала что-то. «Пьяный в шишки, чёрт», – отложила трубку Дарья. «Эх, Нинка, как встретили Новый год, так его теперь и проведём».

Нина Ивановна чуть не плакала, тыкая белый сопливый гриб вилкою.

Поселковая почта находилась в двухэтажном деревянном домике с краю площади.

Если залезть по крутой лесенке на второй этаж – попадёшь в переговорный пункт, где в кабинке кричит в трубку клиент. Если скатишься обратно и откроешь в бревенчатой стене дверь – сразу увидишь трёх женщин в чёрных халатах, занятых за тремя столами почтовыми отправлениями. Их отделяет от тебя деревянная стойка с длинным стеклом.

Летними утрами почта грелась в солнце, как утренняя дощатая глухая голубятня со спящими ещё голубями. Но приходила главная «голубятница» Калинина, освобождала от ставен крайние два окна первого этажа.

И, увидев это действие, к почте сразу спешил Недобега Роберт Иванович. Оставлял на площади даже Ленина с ревматозной рукой, перед которым простоял, наверное, с полчаса.

Калинина смотрела, как писатель готовит папки на стойке, развязывает-завязывает тесёмки, уточняет на папках карандашом – Первая, Вторая – и не могла скрыть досады. Господи, ну чего ходит к нам! Сейчас начнёт опять учить, как нужно правильно паковать, завязывать. «Тщательней, тщательней, Вера Петровна! Не ближний свет – Москва!..» Придурок.

Калинина отходила с папками к столу. Готова бандероли,

отворачивалась от писателя. Но тот всё равно заглядывал, поучал.

Чтобы забрать газеты, входил на почту редактор Самохин. Увидев Недобегу, сразу поворачивал назад. Но, поборов себя, возвращался. Вставал за писателем к стеклу.

– И не надоело? – кивал на папки, которые Калинина уже опутывала бечёвками. – Ведь только время попусту, деньги...

Как коллеге, Роберт Иванович важно говорил, что у него уже семь ответов из семи журналов.

– И что?..

– Пока отрицательно. Но вода точит всю несокрушимость камня, Павел Семёнович!

Самохину смешно даже не было. После таблетки с побледневшими персиковыми своими щеками он печально смотрел на писателя. Возможно ли вылечить его? Лечат ли где таких?

С тоской переводил взгляд к окну. Словно долго искал ответ там, на улице.

По площади мимо Ленина таратайка Аксёнов на телеге. Лошадёнка, как всегда, бежала споро. Семицветно шла единственная на весь посёлок поливалка. Ливнем хлынула бабья очередь от «Промтовара». С гитарой в чехле, как с орудием, в музыкальную школу шёл разбираться Герман Колупаев, в очередной раз изгнанный из неё.

Чистота и грязь, – думал Самохин, глядя на шагающего надменного музыканта. Всегда одет с иголочки, лощёный,

как денди – и он же: пьяный, в резиновом фартуке, присаженный как кобылка, кривым окровавленным ножичком бьющий снизу орущего борова Гришку...

– Вот бы о чём нужно писать, уважаемый Роберт Иванович, – поворачивался Самохин. Но Недобеги возле стойки уже не было.

В библиотеке он торопливо говорил Нине Ивановне: «Смотрите, вот в этом месте письма они написали мне, смотрите, письмо с почты, сейчас дали, смотрите, вот в этом месте: «Нам очень понравилось ваше предложение: «Завивали, задували, не могли завить пургу сибирские снега». Видите, Нина Ивановна, они написали. Им понравилось. У меня много таких отзывов. Ещё до «Таёжной». Теперь мне надо только работать. Только много работать!»

Нина Ивановна стояла красная. Точно пойманная на нехорошем, на измене...

У себя Роберт Иванович долго не мог понять бухгалтерских бумаг на столе. Бумаги казались ему шевелящимися аэропланами. Дарья хмуро смотрела на начальника: Нинка, что ли, отшила, наконец?

Море было во все глаза. Море было во всё небо. Бездонный, напитанный солнцем, молочным румянцем ребёнка висел воздух. Внизу море звездилось парчой. Всё время кудрявыми динозаврами нарождались волны и боком-боком выцарапывались на берег и пропадали, растворялись в песке...

Роберт Иванович кинулся от телевизора, записал: «Море дьявольски смеялось! Как всегда!» Отошёл, продолжил ходьбу. Все-таки телевизор в доме – это здорово! Не перестаешь даже удивляться.

В кинозале, между Ниной Ивановной и Дарьей Сергеевной, Недобега сидел как в осаде, тем не менее поглядывал на пустое белое полотно, быстро записывал: «Все-таки киноэкран отличный соглядатай! Как много он знает!»

Погас свет, и ударили «Новости дня».

Весь киножурнал Роберт Иванович просмотрел спокойно. Но после него вдруг задёргал руку Нины Ивановны. «Папанов! Папанов!» Папанов не сказал ещё ни слова, а Недобега вскочил и громко засмеялся. Как бы призывая всех засмеяться тоже.

Сразу заспешила билетёрша Ляшева. Бубнящая, как базар. Роберт Иванович тут же вжался в кресло, замолчал. И, не найдя хулигана, Ляшева перестала бубнить только на сту-

ле своём.

С руками вразброс Папанов всё время бегал по вокзалу с большими чемоданами, как просто с двумя пустыми коробками. Весь зал покатывался. Роберт Иванович смотрел. Сказал Нине Ивановне: «Папанову, наверное, тяжело бегать с такими чемоданами. Он пожилой уже. Ему бы сдать их в камеру хранения. Удобно. Я бы сдал». Нина Ивановна опустила глаза, стесняясь за свой смех. Зато Дарья хохотала. И над бегающим за бывшими невестами и жёнами Папановым, и ещё больше над комментатором, пришипившимся рядом. Который вдруг тоже начинал смеяться, как когда-то она сама в детстве, будучи Дашкой Золотовой. Причём смеяться в полной тишине. И зал истерически рушился в хохот, всегда поддерживал заводилу. Да-а, Дарья не знала своего начальника. Почти два года просидела с ним в одной комнате и не знала. Честное слово.

Когда толклись со всеми из зала, Роберт Иванович старался смещаться вбок от потока, чтобы его не увидела Ляшева, бубнящая возле раскрытой двери.

Вышли на воздух, отираясь платками. Дарья сразу же отвернулась от двоих и пошла домой. Не слушала никаких протестов подруги. Просторные одежды свои уносила как знамена.

Тогда Нина Ивановна предложила Роберту Ивановичу ответить окрошки. У неё, на Лесной. Всё приготовлено. Квас есть. Холодный. А, Роберт Иванович?

Недобега сразу согласился. Заширкал даже ладошками. В предвкушении заторопился за Ниной Ивановной. Белая рубашка его была вся в пятнах пота.

Однако возле штакетника Переверзевой – разом остановился. Не слышал уже, о чём говорит ему Нина Ивановна. Разом оглох. Глаза его стали безумными. Он повернулся и... пошёл домой. Чуть не побежал от дома Нины Ивановны. Крикнул только: «Я потом, Нина Ивановна! До свидания!» На ходу уже дёргал из заднего кармана брюк свой идиотский блокнот...

Нина Ивановна зашла во двор. Постояла. Потом зачем-то прошла в огород.

Упершись в край осклизлого сруба руками, долго смотрела в колодец. Потом швырнула колодезное ведро вниз, разбила и себя, и небо.

Нина Ивановна плакала. Просто лежала на диване и плакала. В тюле меж штор строил рожи солнечный свет. Во дворе Колупаевых лаяла Жулька. Потом сама Колупаева начала что-то выбивать: ватное одеяло или ковер. По двору закувыркалось эхо. Вредная Жулька всюду прыгала за эхом, видимо, пыталась укусить его в воздухе.

Вспомнилась почему-то спальня Колупаевых. Их супружеская кровать, высоченная, как эшафот. Ненасытная толстая Галька, наверное, заползала на неё. А Колупаев – обречённо запрыгивал. Как состарившийся джигит на пролетаю-

щую лошадь.

И ведь живут. Детей нет, ругаются, дерутся даже, а живут. А тут... Всё для него готова сделать. А он даже в дом боится ко мне зайти... Нина Ивановна снова начинала плакать.

К вечеру пришла Дарья. Увидела лежащую, даже не переодевшуюся подругу – сразу заходила по комнате:

– Долго он будет тебя изводить? Долго? Сколько ты будешь реветь из-за него?!

– Он не изводит. Он ранимый... – нежно сказали ей с дивана.

Дарья остановилась:

– Кто-о? Этот идиот – ранимый? Да он же выхолощен, он же как... как копыто, в которое бьют гвозди. Он же пустой! Без чувств, без эмоций! Да его же на лекциях надо студентам показывать! В мединституте! И ты к нему лезешь, унижаешься... Да гони его в шею из библиотеки!

– А ты? А твой Колпаков? – С дивана смотрели на Дарью нежные «мокрые броши». – А ты с Федором Петровичем?

Дарья сразу нахмурилась. «Там другое». И почти сразу ушла.

Как-то Дарья и Недобега спокойно работали в своей бухгалтерии. Было часов двенадцать дня. В окне колыхались листья, сквозь них пробивалось солнце.

Вдруг за стенкой что-то громко упало и покатилося. В кабинете Колпакова.

Дарья и Роберт Иванович вскочили и замерли.

Сразу же в бухгалтерию ворвался Колпаков, отбиваясь от маленькой женщины. Отбиваясь от маленьких её кулачков как от пчёл. Женщина разила кулачками точно: в нос, в лоб Колпакова, по ушам.

Роберт Иванович как размазался по стене, даже не думал броситься на помощь. Тогда крупная Дарья сказала:

– Ну уж этого нам не надо!

Схватила бабёнку за шиворот и выкинула в коридор. Закрыла дверь на ключ.

Бабёнка наскакивала на дверь, била в неё кулаками, кричала:

– Выходи, жирная сука, выходи! И тебя порешу! А, спряталась! – Вдруг саданула чем-то тяжёлым в дверь.

Дарья распахнула дверь, упёрла руки в бока:

– Ну?

Бабёнка бросила огнетушитель, покатила от неё по коридору, выкрикивала угрозы, матерясь на всю организацию «Потребсоюз». Из дверей никто не выглядывал. Огнетушитель припадочно катался по полу весь в пене. Дарья брезгливо оттолкнула его ногой. Подальше от бухгалтерии. Снова закрыла дверь.

Колпаков уже сидел на стуле, бормотал: «Ничего, ничего. Всё в порядке. Бывает». Он был весь исцарапан. Пемзовый нос его разбит. «Ничего, ничего. Порядок. Надеюсь, между нами?»

Дарья театрално развела перед ним руки: «Да какой разговор, Федор Петрович! Только между нами! Никуда из этой комнаты! Могила!» – «Прости, Даша, прости! – всё бормотал Колпаков. – Подвёл я тебя. Прости!»

Роберт Иванович сидел весь красный. Не знал, куда смотреть. Золотой лысеющий черепок его вспотел. Он его отирал платком.

А вечером Федор Петрович Колпаков находился у Дарьи. Сидя на стуле в майке и трусах, пел, по-студенчески затачивал на гитаре. Нос его был залеплен пластырем.

*Заливайся, пой, гитара, как в последний раз,
Я сегодня словно пьяный вижу Вас...*

Дарья смотрела на него, подпершись ладошками, и не знала, что с ним делать. Неприкрытые ею груди в кружевном бюстгальтере походили на кексы.

Продолжая затачивать, Колпаков не без опаски поглядывал на тёмное незанавешенное окно. Опасался, наверно, оттуда камня.

Но над «Таёжной» в тот вечер висела чернота и тишь. Порёвывала только изредка маневрушка на станции, да заливались собачонки.

Золотова ворвалась в бухгалтерию:

– Роберт Иванович! Деньги привезли!

Главный бухгалтер заготконторы оторвался от работы, спокойно сказал:

– Ну, что ж, Дарья Алексеевна. Очень хорошо. Объявите всем.

Продолжил сличать цифры в бухах.

Золотова исчезла.

Кассирша уже сидела в закутке. Стоговала купюры. Все быстренько выстроились в очередь. Двадцать семь человек насчитывалось в организации Потребсоюз. Включая и подразделение её – заготконтору.

Два главных бухгалтера, Недобега и Зотов, как капитаны потонувших кораблей получали последними. Пока кассирша считала Зотову деньги, тот нервно ходил возле стола. Левая рука его не разгибалась в локте. Он двигал ею как пилорамой. Или крюком, которым хотят что-то подцепить. Быстро расписался, схватил деньги и пропал.

– Вот, Роберт Иванович, – пододвинула ведомость Недобега кассирша. – Распишитесь. Ровно за четыре месяца.

Оставалось ещё два часа до конца рабочего дня, но двухэтажный потребсоюз уже был пуст. Получив долгожданную получку, сотрудники разом разбежались. Кто в магазин по-

мчался, кто на базар, кто побежал с деньгами прямо домой. Внизу осталась только Семёновна. Вахтёр. Как всегда за столиком над развёрнутой едой, будто дожёвывала свое лицо. Она любила на дежурствах *закусить*. Приняла от Недобеги ключ. Пошла, заложила за ним дверь на брус. Снова жевала. При двух огнетушителях на стене.

С крыльца Роберт Иванович почему-то не уходил. Пробежал Влазнев из Сельхозтехники: «Роберт Иванович, деньги ляжку жгут!» – похлопал себя по карману. – Только надолго ль собаке блин, Роберт Иванович?» Роберт Иванович улыбнулся. Сошёл с крыльца. Хотел перейти дорогу и узнать, получила ли Нина Ивановна деньги. Давали ли в райисполкоме, где она их получает. Но... вынул блокнот и написал её золотым пером: «Люди, не забывайте Михаила Сергеевича! Поддержите его! Он один знает! Он один ведёт наш ледокол к свершениям и проявлениям ума. Сквозь бурю, лёд и холод! Не забывайте Михаила Сергеевича. Люди!»

Роберт Иванович пошёл по Профсоюзной в сторону дома. На глазах его были слёзы. Он оберегал блокнот у груди. Как что-то хорошее, чистое. Вышел на площадь: «Люди, не забывайте Михаила Сергеевича!..»

На площади вместе с чьей-то пьяной фигурой вяло поколыхивалось время. На лысине Вождя крутил свой бесконечный полоумный танец голубь.

Однако уже через минуту остановившийся Самохин с удивлением следил за Недобегой. Возле памятника Недобе-

га призывал пьяного мужика маршировать. Был лишь октябрь месяц, до праздника ещё три недели, облака над площадью тащило как грязные паруса, а маленький человек шагал вдоль сельского Ленина и показывал пьяному, как тот должен маршировать. Раз-два! Раз-два! Потом вдруг стал и замер. Будто в почётном карауле возле вождя. Или собираясь отдать ему почесть. В плечистом сером плаще, был перетянут поясом, как крест.

Пьяный погрозил ему пальцем. Однако пошёл с площади довольно бодро. Растопыренным раком.

Самохин покачивал головой, заходя в редакцию.

Не снимая плаща, Роберт Иванович дома долго сидел на кровати. Потом включил телевизор, хотел найти, посмотреть Съезд. Не нашёл. Сняв плащ и переодевшись в домашнее, пошёл на кухню. Вернулся с тарелкой творога и куском хлеба.

В телевизоре тем временем показывали американский старый немой фильм. Перевозимые заключённые на палубе парохода походили на возящихся полосатых тигрят. Стальными цепями были опутаны сплошь, как ожерельями... Перестав есть, Роберт Иванович ничего не мог понять: для чего они на палубе, куда их везут? А полосатые всё переваливались клубками, цепями утягивали друг дружку, казалось, просто весело играли на палубе. И весело шлёпали воду плечами высокие колёса, и белое слепое солнце бежало по воде,

не отставало от парохода ни на шаг...

Роберт Иванович отставил тарелку, раскрыл блокнот. Обнажил золотое перо... Ничего не смог написать! Ни слова! Не всегда, оказывается, телевизор мой помощник... Надо выключить его и дать отдых моему серому веществу. Слишком много на сегодня было всего. Переживания мои. Болел весь день за Страну.

За стенкой ругались Ломтевы. Муж и жена. Хозяева жилья Роберта Ивановича, оплачиваемого заготконторой. Плакал их пятилетний Валерка.

Роберт Иванович хмурился. Больше не буду у них покупать молоко и творог. Постоянно пугают Валерку.

С некоторого времени пятилетний Валерка Ломтев стал приходить к дяде Роберту Недобеге почти каждый день. Как к себе домой. Дядя Роберт подхватывал его под мышки и сажал на стул. Ставил перед ним *машину*. С уже вставленным листом. «Давай, Валерик!» И пальчики Валерки начинали мелькать как крючки. Быстро-быстро. «Машина» трещала как тетерев на току хвостом! Валерка резко обрывал и кидался к двери. «Отличная машина!» – успевал крикнуть ему вслед Роберт Иванович.

«Да гоните афериста в шею!» – кричала Надька Ломтева из огорода. – Роберт Иванович! В шею!» Роберт Иванович удивлялся: почему «афериста»? Да ещё и «в шею»?

Летними затихающими вечерами, после работы за столом, Роберт Иванович любил для отдыха выйти и посидеть на крыльце. «Аферист» сразу начинал нарезать неподалёку круги. Ножонки перемещали независимые штаны – как пароход на лямках. Роберт Иванович шмякал ладошкой о крыльцо. Валерка сразу подбегал и садился рядом. Так и сидели они и смотрели на далёкое маленькое солнце. Малышу, наверное, солнце казалось яблоком, висящим в красном сиропе в маминой банке на окне. Писатель выхватывал блокнот, заносил в него коротко, чётко: «Закат был как дьявол! Как всегда!» Потом гладил стриженую, немного стёсанную

назад головку Валерки.

Сам Ломтев, отец Валерки, мужик с глазами как у коня, был вроде бы промысловым охотником. В пивной на площади он рассказывал: «Сижу высоко на пихте, на слегах – жду. Луна – как сатана: всё видно. Снизу, с земли тухлятиной наносит – заначка медведя. Прикиданная им листьями. Ладно. Час жду, второй. Вдруг слышу из оврага треск. Ветки ломаются. Идёт, значит, карабкается Миша. Мама моя! Да их двое! Двухлетки к пихте выкатились! Но здоровенные оба. И уже листья раскидывают. Уже урчат, мясо тухлое жрут. Тут я свою промысловку осторожно опускаю, целюсь в крайнего – и жаканом его бац! Миша отпрыгнул от собрата. С изумлением. Мол, ты чего дерёшься, козёл? Кинулся и раз! раз! его по башке лапой. И пошли они драться! И заревели! И пошла у них драка! И покатались клубком в овраг!...»

Возвращаясь после таких «охот» домой, Ломтев, наверное, бывал зол как чёрт. Потому что жена его Надька сразу же с воплями скакала по огороду к соседям уже в порванном платьишке, удёргивая за собой орущего Валерку. Сам медвежатник из дома не выходил.

Несколько раз Надька приходила к Недобеге. Молчком садилась в прихожей на табуретку. Подминала под табуретку ножки. Молодое, но спекшееся на огороде личико её было изрезано тонкими морщинками.

– Что, опять гонял? – спрашивал Роберт Иванович, оторвавшись от своей работы.

– А вы будто не слышали! – обижалась Надька.

– Так ведь не пьёт. Вроде трезвый. Зачем это ему?

– Ревнует, – вздыхала Надька.

– К кому?!

– Ко всем. И к вам тоже.

Ну, уж это! Роберт Иванович не находил слов.

Надька просила посодействовать, повлиять на мужа.

– Вы, Роберт Иванович, такой умный. Холостой. (Однако довод!) Он вас послушает.

Роберт Иванович даже краснел от слов Надьки, но всё же отказывался. Чужая семья, знаете ли, потёмки. Советовал обратиться к Гальянову, участковому.

Иногда, идя утром к калитке, Роберт Иванович спиной чувствовал, как на него пристально смотрит Ломтев. Из своего двора. Роберт Иванович оборачивался, здоровался, продолжая спотыкаться. Ломтев ни слова в ответ, ни кивка. Стоял сутулый, сильный, исподлобья смотрел. Одной рукой, не глядя, как индеец томагавк, швырял топор. И топор врезался в столб сарая. Роберт Иванович покрывался потом. Однако на улице быстро записывал: «Какая небывалая мощь русского промысловика-охотника! Сколько удали и широты! Какая точная траектория полёта топора! Небывалое дело!» А Ломтев сгребал своими клешнями дрова в беремя и нёс их в сарай.

Всё менялось, когда он приходил в заготконтору за деньгами за квартиру. Он шёл по коридору второго этажа и за-

глядывал почти во все комнаты. Как ученик, выгнанный из класса. Что он хотел увидеть в кабинетах потребсоюза – было непонятно. Он просто заносил свое лошадиное лицо за дверь – и выносил обратно в коридор. Как большой муляж, как неживой экспонат, который должны увидеть все.

В бухгалтерии у Недобеги он вдруг оскаливался в улыбке: – Здравствуйте, Роберт Иванович!

От неожиданности Роберт Иванович вскакивал и замирал, но Ломтев опускал крупные свои глаза и уводил их за дверь. Он был смурнее самого Роберта Ивановича! В этом Дарья была уверена точно!

Он выглянул как-то из-за угла своей половины дома и сказал Роберту Ивановичу, который сидел с Валеркой на крыльце:

– Ремнём его, афериста! Ремнём! – И захохотал. Но исчез. Как будто был кем-то удёрнут за дом.

Тем не менее Валерка мог ходить к Роберту Ивановичу когда захочет – Ломтев разрешал. Но стоило только Роберту Ивановичу появиться в своем дворе одному, да ещё если Надька раком над грядками ходила – Ломтев сразу темнел лицом. Сжимал в руке топор или вилы. Роберт Иванович торопился поскорее выскользнуть за калитку.

Ну а бесстрашный Валерка однажды побывал у Роберта Ивановича даже в бухгалтерии. Роберт Иванович привёл его, чтобы показать всем как чудо-ребёнка, как вундеркинда. Посаженный на стул, Валерка сразу же застрекотал

на громадной электрической «Оптиме». Пальчики-крючочки его быстро стукали клавишки. Ни один пальчик не цеплял соседние буквы. Это был профессионал. Дарья в изумлении привстала. «Оптиме» гремела в бухгалтерии как коновская таратайка на дороге! Роберт Иванович с гордостью смотрел на ученика.

Однако в библиотеке Валерке не понравилось. Валерка держал Роберта Ивановича за руку и на Нину Ивановну не смотрел. А та присела к нему и во все глаза разглядывала. Как будто это был неожиданный-негаданный «подарок» Роберта Ивановича. Привезённый от другой жены. И папаша стоял рядом с сыном и смущался. Дескать, вот: пришлось привезти, показать. Куда его ж его теперь, афериста?..

Роберт Иванович сидел в библиотеке. Читал подсунутый Ниной Ивановной литературный журнал. *С новинкой*. Был хмур, недоволен. Иногда громко хмыкал и крутил у виска рукой: дурдом!

Нина Ивановна старалась не шуметь, мягко ходила возле библиотечной стойки, перекладывала на стеллажах книги по алфавиту.

Он повернул от настольной лампы свою чёрную щеку: «Вот, послушайте, что пишет ваш хвалёный автор! «По дну ходили щуки. Закамуфлированные, как солдаты». А? Как могут щуки быть солдатами? Да ещё закамуфлированными? Щуки плавают как палки! Как брёвна, в конце концов! Да просто плавают, и всё!» Он снова отворачивался к лампе. Он словно заглатывал её всю.

«Или вот: «Сосны стояли по горе как прихожане в храме». А?» Тёмная щека его даже потрясывалась от возмущения. «И такое на каждом шагу! Нет, читать это невозможно! И вы такое рекомендуете читателям. Странно!» Он отбросил журнал. Отвернулся, забарабанил пальцами по столу. Волоски на его макушке жарились в свете лампы. Наверное, как и его мысли.

Нина Ивановна густо покраснела. Как бывало уже не раз. Точно опять пойманная им на нехорошем. Разоблачённая...

Вдруг подумала: да он же бездарен. Просто бездарен! Но как бывает у верующих людей, когда они *усомневаются вдруг на миг*, только на миг, так же ужаснулась своему «открытию», сразу отшатнулась от него.

– Нет, нет! Что вы, Роберт Иванович! Вы не так меня поняли! Я ведь хотела вам... – начала было Нина Ивановна.

Но он вдруг повернулся. Глаза его были черны. Чуть не со слезами спросил:

– Почему вот таких печатают? А меня – нет? – Он потряс журнал и опять бросил на стол. Он был неузнаваем. Никогда не видела его таким Нина Ивановна.

На улице он сразу попрощался и пошёл к себе на Вокзальную. Нина Ивановна смотрела с крыльца: наверное, устыдилась своих чувств. Милый!

Она закрыла библиотеку и тоже заспешила домой. С новыми надеждами. С женскими своими надеждами. Всё будет хорошо. Он возьмёт себя в руки. Он сильный. Сейчас у него кризис. Да, творческий кризис. Он преодолет его. Он сильный...

В окне стоял лунный свет. У Колупаевых лаяла Жулька. Заливалась. Тявкала, по-видимому, на луну. Нина Ивановна никак не могла уснуть. Перекидывалась то на один бок, то на другой. Тарасилась в потолок. И вновь поворачивалась к окну. Лежала, словно растворив взгляд в лунном свете...

...Колпак опять стал приставать. С носом своим. Как со

шлемом. Красавец. Писаный. Уже откровенно пристаёт, нагло. Садится на стул прямо напротив меня. С развёрнутой ненужной газетой. И лыбится. Откровенно разглядывает. Читатели тут, не читатели, ему всё равно: глаза весёленькие. Как у опрудившегося на именинах пацана. Бросает газету на стол и уходит. Довольный. Крепость под названием Нинка в полной осаде. Никуда не денется теперь чертовка. Гад. Говорить Дарье или не надо? Колпак Роберту может нагадить. Впрочем, всё держится в конторе на главном бухгалтере. Колпак это понимает, отлично понимает. Как ходит такой алкаш в директорах – непонятно. Да ладно о нём. Роберту Ивановичу что говорить, как держаться с ним? Не видит, не слышит слова, фразы. Фантазии ноль. Зачем пишет? Самохин говорит, больной. Да и Дарья всегда хохочет. А тут плакать надо, жалеть. Как помочь ему? Зачем продолжает упорно писать? Неужели не понимает? Ведь смеются все, а я только подпеваю: пишите Роберт Иванович, дорогой, работайте, у вас всё получится. Журналы подсовываю, править пытаюсь его галиматью. Ведь из всех журналов уже отлупили. По второму, по третьему разу пошёл. О Господи-и...

В окне торчал месяц. Как клык. Как африканский амулет. ...отец сразу вспомнился. Работал в Африке. Строил Асуанскую ГЭС. На фотографии большое молодое лицо смеётся на фоне плотины просто как на фоне расчёски, сунутой в реку Нил. Ваня из Таёжной, ставший первоклассным инженером. Баба Катя гордилась сыном, поглядывала на подру-

жек свысока. На тех же сестёр Ерошиных. Там-то пьянь, а не дети, а тут инженер. Одна вырастила-выучила. Пока Ерошины-сёстры мужиков меняли. Не приехал отец этим летом, болеет. Никак не соберусь в Новосибирск, звонками только отбиваюсь. И всем понятно из-за кого. Дашка стыдит постоянно: «Забыла родителей с этим придурком». Права подруга. Забыла. Но как помочь, как вывести его из этого полудурства. Ни разу не обнял, не поцеловал. Ведь был женат. Любил, наверное. Спал с женой. Сейчас как евнух. Одно в башке. «Нина Ивановна, послушайте: «Кони шли подпрыгивая. Весело кидали за себя грязи». Правда, отличная картина, Нина Ивановна?» О боги! И ведь этот человек много страдал. Трагически потерял родителей. Скитался, работал на заводе. В горячем цеху. С большими своими ногами. Учился потом, работал бухгалтером. С ободранной душой бежал от стервы-жены. Хотя очень любит детей и мог бы стать хорошим отцом. Ведь не забыть мне, как он держал Валерку Ломтева за руку. Как стеснялся за это передо мной...

Нина Ивановна заплакала. И ещё долго перебирала в душе всё. Вспоминала, казнила себя за что-то и опять плакала.

На стене в углу тихо умирали часы.

Она пришла к нему через два дня. 4-го ноября. Поздоровавшись, сразу сказала:

– Роберт Иванович, одевайтесь для леса! Идём по грибы! Погода отличная. Воскресенье. Дарья ждёт на улице.

Сама уже в штормовке, в резиновых сапожках, толстом свитере, берет на голове.

Недобега как будто не услышал приглашения. С каменным лицом слепого он перебирал в руках какой-то шнурок.

Поднял на неё глаза и впервые по-человечески тихо спросил:

– Может быть, мне не хватает чего-то, Нина Ивановна? Может, у меня просто нет таланта? А? Может, мне бросить писать?..

Нина Ивановна задохнулась на миг, к ней мгновенно подступили слёзы... Но опять предавая и его, и себя, забормотала:

– Что вы, Роберт Иванович! Что вы! Способности у вас есть, есть! Вам просто нужно много работать. Как и любому писателю. У вас всё впереди...

Пока она говорила все эти пустые слова, он смотрел на неё неотрывно, напряжённо. Верил и не верил. Как верят и не верят неизлечимые больные, выслушивая врача... Она замолчала, и он сразу потух.

– Нет, Нина Ивановна... Сегодня я не в состоянии никуда идти... Простите...

Она пятилась, говорила ещё что-то. Взглянула на него в последний раз... и вышла.

Он остался один.

Через час, одетый для леса, он посмотрел на блокнот и ручку с золотым пером на столе... Подошёл, навернул колпачок на перо, ручку и блокнот опустил в боковой карман плаща.

Во дворе подбежал Валерка Ломтев, чтобы тоже идти в лес. И одет был как надо: в пальтишко, в резиновые сапожки, папкин кемель на голове. Роберт Иванович погладил, потрепал его голову, но за калитку вышел один.

Уходил от станции к хлобыстинскому лесу. Из облаков к земле пробивались дымящиеся лапы солнца. Недобега зыбился в белом тумане, исчезал, снова появлялся. Как белый подбитый лунь, коротко перелетающий и бьющийся на дороге.

В лесу ходил, ворошил на земле палкой павшую толстую листву. Вокруг берёзок, возле сосен. Изредка кричал: «Нина Ивановна! Дарья Сергеевна! Ау-у! Где вы-ы?» Меж сосен тоже дымились столбы белого света. Вверху, в кронах, резко вспыхивало, сгорая, солнце. Однако Роберт Иванович остановился возле невысокой берёзки, похлопал её по стволу, потом записал в блокнот. По-своему: «Милые русские

берёзки! Мне не забыть вас никогда! Вы незабываемы!»

Снова ходил и искал грибы. Глубоко вдыхал лесной воздух, лицо его покраснелось, в ушах стучало сильное сердце.

Нину Ивановну с Дарьей так и не нашёл, но в лесу оставался до вечера.

Уже в шестом часу он вышел из сосен в подлесок. С корзиной на руке, где было десятка два грибов, и палкой, как с посохом.

Какие-то парни уходили к закату и с дикими воплями, кидаясь, убивали длинными толстыми палками ольховые деревца. Вламывались в карликовые ивы. От ударов палок ветви ломались с сырым хрястом.

Роберт Иванович хотел повернуть назад, в кусты, в лес, но стоял как вкопанный. Неожиданно крикнул:

– Молодые люди!

Парни обернулись.

– Вы почему нарушаете экологическую систему леса? Ведь подлесок – это не обходимый компонент любого леса! – Голос Роберта Ивановича дрожал, по-петушиному срывался.

Парни уже подходили.

В следующий момент его сильно ударили по голове. Почему-то сзади. Он скукожился, зажался, ткнулся в траву. Из упавшей корзины рассыпались грибы...

Большие чёрные парни долго плясали в низко сквозящем закате. Взмахивали палками. Потом расшатнулись и исчез-

ли. В красном закате остались покачиваться чёрные шляпки крестовника...

Только утром наткнулись на Роберта Ивановича...

Нина Ивановна плакала в больнице у его кровати: «Вот письмо, Роберт Иванович. Из «Нового мира». Вот конверт, посмотрите. Сама Калинина с почты принесла. Даже не стала бросать к вам в ящик, а сразу ко мне побежала. Вот здесь написано: «Ваше произведение «Дом на железной дороге» мы переслали в «Литературную газету». В отдел «13 стульев». Ждите оттуда ответа. Творческих вам успехов!» Вот видите, Роберт Иванович. Поздравляю вас, поздравляю...»

– Спасибо, – прошептал Роберт Иванович и закрыл глаза.

На рассвете другого дня долго висела в голых деревьях за площадью белая луна. Внизу, подтопляя деревья, бежала речка Калинка. В хлобыстинском лесу осторожно гулял у земли близорукий первый снег.